

УДК 94:323.329 (575.2) (04)

**ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ВЛАСТИ КЫРГЫЗСТАНА
(СЕР. 20-х – СЕР. 30-х ГОДОВ XX в.)**

С.В. Плоских – канд. ист. наук, доцент

The article reflects the beginning of the oppositional actions of the representatives of Kyrgyz intelligentsia against the official authority.

Борьба за власть во всяком обществе облекается в идеологические формы. При этом важнейшими компонентами в идеологических конструкциях выступают понятия общего блага или блага народа, интересов общества, нации, народа или государства, интересы прогресса, потребности общественного развития, свобода личности, борьба против угнетения и эксплуатации и другие ценности, формулируемые теоретиками соответствующих движений и рассчитанные как на легитимизацию деятельности политической группы, борющейся за приобретение власти или за ее укрепление, так и на массовую поддержку [1: 214].

Первые годы Советской власти характеризуются экономическим кризисом в стране, политическим противостоянием сталинскому курсу построения социализма. Для руководства парторганизациями в национальные регионы присылали партийных лидеров из центра, а руководителями сельских хозяйств становились некомпетентные лица. Это усиливало шовинистические амбиции части русскоязычного населения, и как противодействие им нарастали националистические проявления среди представителей коренных народов. Первые отряды национальной интеллигенции Кыргызстана, возвращенные на революционных лозунгах и поверившие в декларированные советской властью демократические свободы для национальностей, вскоре трезвели от реально проводимой политики руководством союзного

государства и начинали испытывать идеологический гнет. На этой почве в среде интеллигенции вызревали оппозиционные течения официальному курсу партии большевиков – построения социализма в одной стране и шовинистическим настроениям, выдвигалась альтернативная идея слияния пантюркизма и социализма, велись интуитивные поиски пути создания социалистической туранской организации.

Уже в 20-х гг. интенсивно пошел процесс формирования руководящих кадров “советского типа”. Так, первый руководитель Казахстана Ф. Голощекин на очередном Пленуме Казкрайкома называл эту категорию работников “новым слоем”, в котором и есть “спасение всего Казахстана”. Как отмечает известный казахский ученый М.К. Койгельдиев, этот ретивый правитель, энергично отстранив от республиканского руководства “строптивых” и “непослушных” (С. Ходжанова, С. Садвакасова, Ж. Мынбаева, Н. Нурмакова и др.) и окружив себя “новым слоем” руководящих работников, за короткий срок провел сложнейшие социально-экономические и политические реформы – по советизации аула, конфискации имущества баев, оседанию кочевого населения, коллективизации и т.д., которые привели к трагедии голода 1932–1933 гг.

Однако сопротивление национальной элиты было сломлено не сразу. Если попытаться в немногих словах выразить общественную атмосферу в стране в первые годы после Ок-

тябрьской революции, следует, прежде всего, отметить рост самосознания народа. Советские люди, пройдя через тяжелейшие испытания революцией, принялись за возрождение страны и ее государственности, за создание собственной государственности на национальных окраинах, за развитие экономического потенциала, возрождение духовности.

В Кыргызстане первой попыталась противостоять командной системе правления из Центра еще в 1922 г. группа кыргызской интеллигенции, возглавляемая А. Сыдыковым и И. Арабаевым. Они поднимают вопрос о самоопределении кыргызского народа в рамках Горной области [2: 72–74]. В 1922 г. борьба за власть различных родовых кланов, группировок интеллигенции и вмешательство “сверху”, в том числе и лично Сталина, помешали оформлению Горной Каракыргызской области. Кыргызская область на иных принципах была оформлена лишь два года спустя – в 1924 г.

Буквально в следующем году (1925) группа кыргызских интеллигентов направила на имя Национального Совета ЦК РКП (б), Средазбюро ЦК РКП (б) и Киробкома партии открытое письмо с выражением экономического и политического кредо его инициаторов, так называемой “тридцатки”, выступавшей за иной курс государственного переустройства, отличавшийся от проводившегося Центром страны.

“Национальное регулирование Средней Азии и создание Автономной Киргизской области, – писали заявители, должно было внести единство среди кыргызского народа, постепенно ликвидировать родовую вражду и все те группировки, которые создавались как следствие долгих лет колониционной политики, проводимой царским правительством на далекой окраине”. Но этого, говорилось далее в документе, не произошло. “Партаппарат строился по групповому принципу близости и личной связи того или иного работника с руководящей верхушкой Обкома, еще больше разгорелась внутривластная групповая борьба и родовая борьба в массах, выявилась линия игнорирования целого ряда коренных работников, знающих прекрасно местные условия работы и могущих быть полезными партии и Советской власти в проведении правильной линии на местах, особенно земельной полити-

ки”. В заявлении негативно характеризовался стиль работы Киробкома, и как следствие этого, рассматривались трудности восстановительного периода в Кыргызстане [3: 64–67].

Идейным лидером “тридцатки” и автором заявления был Абдыкерим Сыдыков, ратовавший с самого начала 20-х гг. за самоопределение кыргызской государственности. Заявление подписали также лидер кыргызской интеллигенции Ишеналы Арабаев, председатель Кыргызского облисполкома А. Уразбеков, И. Айдарбеков и другие 26 членов “тридцатки”. Много позже, через 13 лет, на допросе в НКВД 10 февраля 1938 г. А. Сыдыков заявил: “Я признаюсь в том, что был организатором и идейным вдохновителем этих тридцати человек, подписавшихся под явно антисоветским националистическим документом”. Тогда, в 1925 г., лидеры “тридцатки” были исключены из партии, освобождены от руководящей работы. А. Сыдыкова выпроваждают из Кыргызской Автономной области в Ташкент на рядовую работу. Но он не порвал связи со своими кыргызскими соратниками и вскоре создает новую организацию и выступает уже лидером так называемой Социалистической Туранской партии (СТП). Но об этом – ниже.

А в ноябре 1926 г. в Москве лидер Казахстана, председатель Совнаркома Туркеспублики Турар Рыскулов проводит свое “совещание националов”, выразившееся в несогласии с духом и характером советских реформ в Средней Азии. Интересны сами по себе вехи политического пути этого видного представителя интеллигенции Туркестана, называвшего себя то кыргызом, то казахом.

В автобиографии, поданной в феврале 1923 г. “в Комиссию по очистке партии Горрайкома гор. Москвы и в Комячейку Накркомнаца”, Турар Рыскулов вкратце рассказал о своем пути во власть – от “самых забитых и угнетенных слоев киргизского народа”, батрака, “добывающегося европейского просвещения”, учащегося Пишпекского сельскохозяйственного училища, лидера революционного движения среди всего туземного населения Туркестана в 1918 г., руководителя Петроградского и Московского Института живых восточных языков, Председателя Совнаркома Туркеспублики в 1923 г. [4].

О так называемом “Рыскуловском совещании националов (Москва, 1926 г.)” мы впервые узнали из публикации М.К. Койгельдиевым рассекреченных сравнительно недавно архивных материалов.

Дело обстояло так. В мае 1926 г. Турар Рыскулов, работавший в Кызыл-Орде редактором газеты “Энбекши казах”, неожиданно был приглашен в Москву и назначен на должность заместителя Председателя Совнаркома РСФСР. Это было время, когда Центр под руководством Сталина интенсивно работал над созданием новой советской государственности. Любая преграда на этом пути убиралась немедленно. Так было решительно покончено с “валидовщиной”, “султангалиевщиной”, кыргызской “тридцаткой” и другими уклонидами. Однако силы, недовольные этой политикой Центра, еще были. Были и политические фигуры, способные выразить это недовольство на должном уровне. Одним из таких, несомненно, являлся лидер национальной элиты Туркестана Турар Рыскулов, которого поддерживал и представитель кыргызской интеллигенции во власти Юсуп (Жусуп) Абдрахманов.

Несанкционированное совещание руководителей национальных республик, входящих в состав Российской Федерации, несогласованное со Сталиным и Политбюро, проходило в 1926 г., 12 ноября и продолжилось 14 ноября, в воскресенье.

Участники совещания обвинили центральные органы власти в чрезмерной централизации управления, в бюрократизме и нежелании понять насущные проблемы национальных образований, а именно: коренизация аппарата управления, решения земельного вопроса, создания промышленности, внедрения национального языка в качестве государственного и т.д.

Юсуп Абдрахманов – зам. председателя Облсполкома Киргизии – в своем выступлении заявил: “Во взаимоотношениях национальных окраин с центральными органами РСФСР мы имеем массу недочетов. Бывает так, что заявления русского ходока из национальной окраины ставятся выше, чем заявление официального органа той же автономной государственной единицы. И по каждому отдельному случаю начинают третировать нас,

создавая невозможное настроение. ...Я считаю, что правильнее поставить вопрос о том, чтобы правовая сторона на национальных окраинах была более расширена, чем в довоенное время” [5].

Т. Рыскулов внес предложение “все высказанные мнения и предложения товарищей, выступивших на совещании, ... считать материалом для комиссии т. Калинина и ЦК по освещению положения в национальных окраинах и выявления нужд последних”. Совещание по своему статусу не было правомочно принимать какие-либо решения, а всего лишь могло разработать конкретные предложения для Всероссийской комиссии М.И. Калинина. Было поручено Т. Рыскулову, Курц, Самурскому, Наговицыну и Асфендиярову “доставить до сведения Сталина о данном совещании и настаивать перед ним о необходимости своевременного созыва 5-го совещания по национальному вопросу”. Кроме того, совещание разослало всем национальным республикам и областям стенограмму и предложения заседания на 130 листах для обсуждения и одобрения [6].

И. Сталин не смог примириться с такой критикой его курса. Последовал приказ с требованием о немедленном осуждении поведения националов. Во всех автономных образованиях РСФСР проходит обсуждение, а точнее, – осуждение материалов “Рыскуловского совещания”. 18 декабря 1926 г. прошло такое обсуждение и на объединенном заседании Крайкома Казахстана, которое за подписью секретаря бюро Ц. Пятницкого приняло постановление из 6 пунктов, решительно отвергающее направление “Совещания националов” как “добровольных гастролеров из ответственных лиц” и целиком и полностью солидирующее с политикой ЦК партии в национальном вопросе [6].

В 1929 г. группа критически настроенных кыргызских интеллигентов всерьез задумалась о правильности путей построения социалистического общества, которые указывали И.В. Сталин и его окружение в ЦК ВКП(б), весьма далекие от понимания специфических условий жизни среднеазиатских окраин. Они видели, что единая генеральная линия большевистской партии во всех регионах ведет не к процветанию и благоденствию, а к обнищанию

народа, к надвигающемуся голоду, разорению. Лучшие представители интеллигенции, интеллектуалы, которые уже были в опале у власти, не могли не анализировать обстановку, складывавшуюся в экономике и общественно-политической жизни страны, не задумываться над перспективами развития своих республики и народа, не искать путей построения нового общества в туркестанско-казахстанском регионе, в древности известном как Туран.

С конца 1920-х годов в среде Кыргызской интеллигенции все сильнее проявляются оппозиционные настроения. Это выразилось в работе по созданию так называемой Социалистической Туранской партии, в своих программных положениях отстаивавшей цели, сильно отличающиеся от позиций официального советского руководства [7]. В архивных документах, еще не полностью рассекреченных, в следственных делах ОГПУ-МВД тридцатых годов название партии искусственно было сокращено: вместо Социалистической Туранской партии ее везде официально, в подражание фашистской, стали называть *Социал-Туранской* (сокращенно СТП).

Вопрос о деятельности и самом существовании Социал-Туранской партии как таковой до сегодняшнего дня является предметом научных дискуссий, споров, догадок, домыслов [8]. Связано это, в первую очередь, с недостаточным количеством доступного и рассекреченного фактического материала, что не дает возможности в полной мере создать ясную картину деятельности этого оппозиционного объединения. Однако имеющиеся источники позволяют судить, что уже в 1929 г. группа критически настроенных кыргызских интеллигентов стала сомневаться в правильности того пути построения социалистического общества, который проводило в жизнь руководство Советского Союза во главе с И.В. Сталиным. По их мнению, эта линия вела не к прогрессу, а к обнищанию и разорению. Кроме того, они как бы в развитие “Заявления тридцатки” и рыскуловского “совещания националов” упрекали центральную власть в игнорировании местных особенностей среднеазиатских окраин, что вело к искривлениям в экономической и социальной политике. Это подтолкнуло представителей кыргызской интеллигенции, находившейся, как правило, в

опале у режима, искать альтернативные пути развития республики и народа.

Оппозиционеры сплотились вокруг их идейного вдохновителя А. Сыдыкова. И хотя Социал-Туранская партия как таковая к 1929 г. организационно еще не оформилась, число ее сторонников возрастало. Были написаны программа и манифест (воззвание) партии, в регионах организовывали ячейки, собирали членские взносы, руководители имели свои псевдонимы (так, А. Сыдыков проходил как “Манас”). Среди членов партии такие известные деятели политики, культуры и образования Кыргызстана, как И. Арабаев, А. Шабданов, С. Курманов, Т. Сопиев и другие – цвет кыргызской национальной элиты. Однако вскоре партия оказалась под наблюдением ОГПУ. Связано это было с тем, что летом 1931 г. С. Курманов и А. Шабданов попытались вовлечь в свою группу единомышленников фрунзенского юрисконсульта А. Керимбекова, который, испугавшись возможных последствий, связался с местным отделением ОГПУ и стал осведомителем.

В 1933 г. со стороны карательных органов усиливается работа по выявлению оппозиционно настроенных групп и лиц. Происходит разгром Социал-Туранской партии. Ее видные представители были арестованы. Официально оглашено заявление о раскрытии “националистической, контрреволюционной, повстанческой, антисоветской организации” – Социал-Туранской партии, которая якобы стремилась “к свержению советской власти в Кыргызстане и отделению его от СССР” [9: 187–191].

Аресту подвергаются А. Сыдыков, И. Арабаев, А. Шабданов, Т. Сопиев и другие – несколько десятков человек. Начинаются допросы, в ходе которых стали ясны очертания оппозиционной организации. Подсудимые, допрашиваемые с пристрастием, рассказали о целях и программе партии, по памяти восстановили содержание Манифеста. Оба документа в письменной форме не были обнаружены, но запротоколированы были со слов авторов. Впрочем, в этом отношении довольно сложно вычленить действительно рациональное зерно, поскольку показания давались под принуждением, зачастую под диктовку следователей и могли не отражать истинного существа дела.

Однако в целом можно сделать вывод, что несмотря на заявляемые социалистические ориентиры, Социал-Туранская партия преследовала цели, сильно расходившиеся с официальной социалистической идеологией того времени.

Программа организации основывалась на базисном положении всей антисталинской оппозиции 1920–1930-х гг. о принципиальной невозможности построения социализма в одной стране без учета национальных особенностей регионов. По их мнению, социализм мог быть построен успешно только во всемирном масштабе при овладении высокой техникой. Исходя из этого, члены СТП полагали, что попытки строительства социализма в рамках СССР приведут к обнищанию населения, особенно коренного, в бывших национальных окраинах России.

Говорилось и о том, что недопустимы радикальные меры в отношении бай-манапства, поскольку выдвижение на государственные должности дехкан и рабочих, не подготовленных к управлению государством, влечет за собой развал и хаос в управлении [9: 195–197].

В целом программа имела социал-демократический характер (в современном понимании этого термина) со стихийными вставками как некоторых коммунистических лозунгов, так и националистических, полупатриархальных требований.

В “Воззвании” СТП говорилось: “Киргизия существует около трех тысяч лет. Кыргызы за долготейшее историческое существование ни разу не переживали такие трудные моменты, какие приходится переживать теперь, в эпоху красного милитаризма... Существующий строй не является демократическим, а является военно-феодальной монархией. Диктуют секретари парткомов – от райкомов до ЦК... Поэтому туранисты поставили перед собой задачу отделить Туран, как самостоятельную единицу, в составе племенных автономных республик”.

СТП провозглашала два основных принципа:

1. “Принцип национального освобождения”.
2. “Принцип социализма”.

Первый принцип призывал к тому, что “кучка пришельцев – русских не должна

управлять нашими народами и странами”. Принцип социализма предусматривал, что страна должна идти по пути быстрого нарастания социализма, но при этом без привилегий какому-либо одному классу, опираясь только на диктатуру СТП. В отношении экономической программы оппозиционеры выдвинули плохо связываемые между собой принципы: «Во избежание бедности и нищеты масс и во избежание существования мелкоотварных хозяйств должны провести коллективизацию, но этот термин тогда для масс будет враждебен, поэтому коллективизацию нужно будет заменить термином “фермеризация”, давая больше льгот фермерским хозяйствам... В Туране будет проведен госкапитализм, а поэтому крупные индивидуальные сельские хозяйства и промышленность в руках частных лиц сосредоточены не будут».

В “Воззвании” говорилось “...в Туранской Народной Социалистической республике власть будет принадлежать курултаю (съезду), на котором выбирается комитет, управляющий страной в промежутках между съездами. При президенте Турана должен быть создан комитет старейшин, не имеющих право голосовать за решения, принимаемые президентом, но могут накладывать вето на любое из них. Государственный строй Турана должен быть промежуточным между строем в СССР и буржуазно-капиталистических странах” [9: 197–200].

Как видим, программные положения СТП (если они действительно существовали именно в таком виде, как под диктовку авторов записаны следователем) отличались противоречивостью и недостаточной разработанностью. Для их осуществления социал-туранисты были намерены ждать якобы вооруженного столкновения капиталистического мира с Советским Союзом, после чего должны были начать действия как против первого, так и против второго лагерей. До этого момента партией предусматривалась активная подготовка своих кадров, в том числе с использованием базы в Афганистане и Западном Китае.

В 1934 г. после многочисленных допросов было вынесено обвинительное заключение по делу №5630 “О националистической к.-р. организации в Киргизии Социал-Туранская партия (СТП)”. 28 февраля 1934 г. во Фрунзе со-

стоялось заседание коллегии ОГПУ, на котором был вынесен приговор по делу СТП. Подсудимых А. Сыдыкова, Д. Солтоноева, С. Курманова, Т. Сопиева и других приговорили к расстрелу. Затем высшая мера наказания была всем заменена на заключение сроком в 10 лет. Лишь одного А. Шабданова приговорили к расстрелу – с исполнением приговора в тот же день. Другие подсудимые получили различные сроки в исправительных лагерях либо были посланы в Сибирь [10: 291–292].

К делу о СТП в НКВД вернулись в 1937 г. Осужденные по этому делу снова были вызваны на допрос и приговорены к расстрелу.

В дело о СТП были вовлечены и другие политические фигуранты Кыргызстана, такие, как первый кыргызский ученый, профессор, поэт Касым Тыныстанов, бывший предсовнаркома Кыргызской Автономной Республики Жусуп Абдрахманов – участник рыскуловского “совещания националов”, все интеллигенты – подписанты “Заявления тридцатки”, почти все участники СТП, с которой связали и слушателя Красной профессуры, бывшего в Москве Торокула Айтматова, а также местных представителей партэлиты – Баялы Исакеева, Д. Саадаева и сотен других. В деле СТП фигурировал в качестве руководителя Турар Рыскулов и другие, явно не имевшие никакого отношения к давно разгромленной партии, но в разное время подвергавшиеся “партийной чистке”. Все они были расстреляны по приговору Военного суда в 1938 г.

Так процесс активного участия оппозиционно настроенной кыргызской интеллигенции в политических судьбах национальной государственности был надолго прерван. Власть научилась подавлять и истреблять инакомыслие. И на том держалась семь десятилетий.

Незаконные репрессии, гонения на интеллигенцию тяжелым прессом легли на людей советского общества, которое безуспешно стремились скрепить маниловским лозунгом о “едином советском народе” страны.

С 1950-х гг. начался (в ограниченных рамках) процесс реабилитации безвинно осужденных. В Кыргызстане он затянулся вплоть до конца 1980-х гг. Лишь с 1989 г., и особенно в 1990-х гг., процесс реабилитации был завершен. Изданы сборники документов и воспоминаний о репрессиях в стране. Появились и полнокровные исследования на эту тему. Черные и кровавые страницы Кыргызстана наконец-то заполнены правдивыми и объективными сюжетами ранее умалчиваемой истории народа.

Литература

1. *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта. – Москва: АСПЕКТ ПРЕСС, 1996.
2. *Маанаев Э., Курманов З., Курумбаева Г.* Кыргызская интеллигенция: становление, роль в общественно-политической жизни (20–30-е годы) – Бишкек: КИПУ, 2001.
3. *Сыдыков А.* Заявление “тридцатки” // *З. Курманов и др.* Абдыкерим Сыдыков – национальный лидер. – Бишкек, 1992.
4. ЦГА РУзб. Ф. 86. Оп. 1. Д. 1525. Л. 4-15.
5. Письма к И.В. Сталину и в ЦК ВКП(б) // *Абдрахманов Ю.* Избранные труды. – Бишкек, 2001.
6. *Койгельдиев М.К.* Рыскуловское совещание националов (Москва, 12 и 14 ноября 1926 г.) – Оттиск статьи (По материалам ЦГА Октябрьской революции РФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 188); (По материалам Архива Президента РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1129).
7. По документам архива СНБ Кыргызской Республики. Следственное дело №5630.
8. *Плоских В.* Манас не признал себя виновным. – Бишкек, 1993.
9. *Плоских С.В.* Репрессированная культура Кыргызстана. Малоизученные страницы истории. – Бишкек, 2002.
10. *Курманов З.К.* Национальная интеллигенция 20–30 годов: вклад в возрождение государственности кыргызского народа и борьбу с тоталитарно-авторитарным режимом. – Бишкек, 2005.